

Надежда ЛОБАНОВА

г. Петрозаводск

ОНИ ОТПРАВЛЯЛИ НАМ КАМЕННЫЕ ПИСЬМА

Как говорят в народе – не было бы счастья, да несчастье помогло. Пандемия, санкции – всё это привело к тому, что люди вдруг осознали – в нашей стране можно очень интересно отдыхать. И здесь столько удивительных мест, что хватит еще не на одну пандемию!

Нам, жителям Карелии, вообще несказанно повезло. У нас и Марциальные Воды, и Кижы, и Ваалам, и Соловки, считай, почти наши!

А еще есть удивительная вещь – петроглифы.

Листы каменной книги – так назвал их Александр Линевский – этнограф, археолог, писатель. По словам археолога Надежды Лобановой, первобытные авторы отлично понимали, что их творения сохранятся десятки веков и расскажут нам об их жизни... Надо только увидеть, понять, суметь разгадать смысл творений.

Важно еще и то, что теперь увидеть петроглифы можно не бродя по скале и разглядывая их под ногами, а во вполне цивилизованных условиях. Есть мостки, есть музей, открывается Визит-центр музея «Беломорские петроглифы»...

Что же такое петроглифы? О чем они? Как создавались?

Об этом я говорил с одним из лучших специалистов в этой сфере кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником сектора археологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН Надеждой Валентиновной Лобановой.

– **Надежда Валентиновна, давайте начнем с того, как были обнаружены наши петроглифы на Онежском озере, на Белом море.**

– Первооткрывателей было немало. Бесовы Следки в низовьях Выга для науки сделал известными Александр Линевский в 1926 г., а Онежские петроглифы много раньше (1848 г.) – геолог Константин Гревингк и наш карельский учитель Петр Швед.

Владислав Равдоникас нашел Залавругу (только небольшую часть её, которая сейчас называется Старая Залавруга) и еще ряд небольших скоплений изображений. Но на самом деле всем им эти петроглифы показали, привели их туда, можно сказать, за ручку. Их заслуги, бесспорно, велики, особенно Равдоникаса, который стал основателем петроглифологии в СССР, издав замечательные каталоги памятников. А местные жители, конечно же, издавна знали о существовании этих удивительных изображений (по их мнению, однако, бесовских резьб или чёртовых следов).

Ну вот, допустим, Константин Гревингк, он был геолог, занимался минералогией в Санкт-Петербурге в Минералогическом музее, и у него была командировка, как было написано в «Олонецких губернских ведомостях», он поехал для геогностических исследований, сейчас такого термина, по-моему, уже нет, в общем, геология, связанная с изучением минералов, и он объезжал почти все Онежское озеро. И на лошадях, и на лодках. Ближе к концу сентября он попал в Пудож. Местные жители, узнав, что геолог интересуется горными породами, сказали ему, что

есть там диковинка такая. Они назывались тогда Олонецкие резьбы.

Его туда отвезли и показали ему. Он посмотрел два мыса – Бесов Нос и Пери-Нос III.

Это было в 1848 году. Естественно, что жители Пудож и ближайших деревень давно знали про эти изображения. И относились к ним, видимо, с некоторой боязнью. Недаром же такое название, связанное с бесом. И там знаменитое изображение беса, которое уже в христианское время воспринимали как нечистую силу.

Действительно, некоторые считают, что изображение беса очень устрашающее – один глаз выколот, другой открыт или закрыт... Хотя на самом-то деле он просто испорчен в начале XX в. (после 1914 г.).

– А понимал ли, например, Гревингк, что эти бесовские изображения на самом деле представляют большую научную ценность?

– Да, Гревингк, поскольку он был ученый, геолог, конечно, оценил и понял, что рисунки высечены камнем. Он и предположил, что это каменный век и находка представляет собой археологическую ценность. Он попытался сделать копии от руки. А поскольку он был в командировке, ему ещё необходимо было отчитаться и перед Императорским географическим обществом. Но с публикацией он затянул... Только в 1855 г. она появилась.

А в газете «Олонецкие губернские ведомости» появилась заметка о путешествии господина Константина Гревингка на Бесов Нос на Олонецкие резьбы.

Эту заметку увидел учитель Петрозаводской мужской гимназии Пётр Швед.

Он, видимо, родом был из Пудож, или у него родственники были в Пудож, или где-то в Пудожских краях. Он про эти петроглифы знал и, похоже, видел их еще раньше, чем Гревингк. Швед тоже съездил и сделал зарисовки, хотя не исключено, что они друг у друга кое-что позаимствовали. Он сделал зарисовки тех же самых мысов и опубликовал это гораздо быстрее, чем Гревингк в Питере.

Гревингк увидел, что вышла заметка Шведа, а он уже вроде как объявлен был первооткрывателем, и поспешил тоже издать свою статью. Если Швед написал заметку в 1850 году, то Гревингк только спустя 5 лет.

Ну и дальше все исследователи в основном ссылались на его статью, поскольку он был учёным.

Всё больше людей стало интересоваться петроглифами. Губернатор олонецкий Григорий Григорьев тоже заинтересовался и даже отправил экспедицию, чтобы петроглифы сфотографировали. В 1849 году поехал пудожский землемер Николай Юматов. В то время землемер был, как сейчас геодезист – то

есть высокопрофессиональный специалист. Он должен был сделать хорошие копии, рисунки, но командировку ему дали в ноябре. Он поехал на лошади, а там лёд и не подойти... В результате Юматов написал отчёт о командировке, что вот без толку съездил, деньги только зря потратил и ничего не смог зафиксировать. Но ему на следующий год дали опять командировку, и он сделал какие-то копии. Как он их делал, неизвестно, и куда они потом пропали, тоже неизвестно, но похоже, что эти копии, поскольку они делались по заданию губернатора, поступили к нему, а он уже отправил в Санкт-Петербург. И там они затерялись где-то в чиновничьих столах. Пытался Юрий Александрович Савватеев их искать, я тоже пробовала, но – безрезультатно.

И петроглифы стали интересовать очень многих – ученых, краеведов, просто любителей... Конечно, всех интересовало, кто создавал изображения. Многие видели в рисунках зеркала, циркули, пилы... Понятно, что у первобытных людей такого инструментария не было (пилы каменные были!). Предполагалось, что изображения относятся к новгородскому средневековью. Ведь даже у якобы живших в это время там диких лопарей и других местных племен ничего такого не было.

Петроглифы стали на тот момент настолько известны и популярны, что даже Николай Гаврилович Чернышевский написал о них заметку.

А потом как-то это всё затихло. В конце XIX века и позже, в начале XX, как-то немножко пропал интерес. Так всегда бывает, что-то откроют, раз, всё, сенсация, а потом интерес уходит...

Но в начале XX в. на территории севера России, в Мурманской, Архангельской, Олонечкой губернии, работал шведский археолог Густав Халльстрём. Он, пожалуй, самый известный скандинавский специалист по наскальному искусству Швеции и Норвегии. Гревингк приехал первый раз в 1910 году, его сопровождали коллеги из Кембриджа (Майлз Бёркитт) и Стокгольма (Брюр Шнитгер). И вот интересно, что у них-то на зарисовках и фотографиях у беса одинаковые глаза, оба! Оба открыты, то есть правый глаз еще не был испорчен. Видимо, это местные сделали после 1914 года. А до 1914 г. все было нормально с бесом. Хотя крест, нимб над ним и надпись ИСХР (монограмма Христа) тогда уже, естественно, были.

Потом уже заинтересовались профессиональные археологи, в частности, Александр Спицын, известный классик русской и советской археологии, не сомневался, что это всё-таки древность, каменный век. Правда, он считал, что такие памятники не привлекают исследователей, так как очень сложны для понимания. И тот же Густав

Халльстрём, конечно же, не сомневался в их древности, потому что в Скандинавии уже в XVII веке были открыты первые наскальные изображения, в которых прослеживались некоторые аналогии с нашими памятниками. Поэтому сомнений не было, что это доисторические времена.

Надо сказать, что Халльстрём очень хорошую методику применял, он заливал петроглифы жидким раствором мела, а потом накладывал кальку, и, в общем, у него неплхие были копии, достаточно точные. Они намеревались скопировать и издать полностью Онежские петроглифы. Работу планировалось завершить в 1914 году. Ранее они немного успели документировать. Приехали они опять в четырнадцатом году. Начали работать. Делали копии, описания и фотографии. Но началась Первая мировая война, ну и кто-то доложил, что иностранцы ходят с какими-то приборами, у них планшеты, папки, что-то чертят, в общем, шпионы германские. Их быстренько арестовали и посадили до выяснения. Потом все же поняли, что это ученые. Никакие не германские шпионы. Их отпустили. Но не знаю, отдали ли им их планшеты, их чертежи и копии, которые успели сделать. Возможно, что и нет. Поэтому работа не была завершена. Халльстрём очень расстраивался по этому поводу.

Но у него уже был советский коллега, с которым он дружил, – Равдоникас Владислав Иосифович. Обрусевший литовец. Они много общались друг с другом по переписке. Равдоникас занимался средневековыми курганами в Приладожье, на реке Свирь. Побывал он и на Онежских петроглифах в 1934 г. Как раз в это время собирались строить Свирскую ГЭС, и было такое мнение, или, не исключено, потом придумали, что, когда построят ГЭС, уровень воды поднимется и это может повредить Онежским петроглифам. Откуда такое мнение взялось, до сих пор не ясно, но это послужило поводом к тому, что часть скалы с изображениями во имя спасения решили привезти в Эрмитаж. В большой ценности петроглифов к тому времени уже никто не сомневался. Поступили просто – приехали и взорвали кусок скалы. Какие-то изображения были навсегда утеряны... Например, уникальная сцена деторождения. В общем, поступили варварски. Но теперь в Эрмитаже есть так называемая «Крыша» – фрагмент скалы с мыса Пери-Нос III.

– Что же дали науке петроглифы? Узнали ли мы что-то новое о быте людей каменного века, смогли ли понять, что же все-таки изображено? Что за циркули, зеркала?

– Халльстрём, а потом и Равдоникас предположили, что это никакие не циркули и зеркала, а символические изображения Солнца и Луны. А расчёски –

это изображения лодок с экипажами. Люди показаны в виде вертикальных столбиков.

Равдоникас нисколько в этом не сомневался, он сказал, что любой нормальный человек, глядя на эти рисунки, поймет, что здесь жили люди, поклонявшиеся Солнцу и Луне.

А когда экспедиция Ю.А. Савватеева открыла под слоем почвы и раскопала Новую Залавругу в 1963 г., тогда-то и стало понятно, какие настоящие шедевры скрывались здесь более пяти тысяч лет. До этого момента никто даже не подозревал, что в доисторические времена, в частности в эпоху неолита, человек мог охотиться на белух. Просто даже не могли представить, что с их плавсредствами, снаряжением и орудиями это возможно было делать. И вот петроглифы это доказали. На Залавруге более 60 сцен морской охоты на белуху и 3 сцены добычи нерпы.

– А почему охотники изображены голыми? У нас не Африка, холодно...

– А как показать, что это мужчина? Ну вот как? Поэтому изображали с половыми признаками. Понятно, что на лыжах и без них они голыми явно не ходили. Причем не всегда их так изображали, иногда мужского достоинства нет, но все равно можно понять, что это мужчины, поскольку на лице, а это всегда профильные фигуры, выделяли бороду и нос. Нередко еще на голове что-то такое было, типа перьев или головного убора, в общем, ещё какие-то детали... Есть изображения мужчин, у которых борода есть, а мужское достоинство не показано. А женщин изображали с выпуклыми животами, иногда показывали грудь (на Онежских петроглифах).

Таким образом, выяснилось, что никогда бы нам не понять жизнь человека эпохи неолита в такой полноте и выразительности, если бы не петроглифы. Мы увидели приемы охоты... Причем не только на белух, есть там и охота на тюленей, медведей, птиц. Узнали также, что люди сражались друг с другом. На Залавруге есть уникальные композиции враждебных столкновений, показаны раненные или даже убитые мужчины.

– На изображениях можно видеть огромные лодки. Неужели действительно такие были?

– Лодки всякие есть. Не обязательно большие, но, действительно, в некоторых лодках изображено более двух десятков людей. Но дело в том, что петроглифы – это наскальное искусство. Искусство! То есть там присутствуют и фантазия, и преувеличения. Без всякого сомнения, наши предки умели фантазировать, много во что верили, но при этом всё равно у них мышление было в основе практическое и реалистическое, иначе бы они просто не выжили. У них было сочетание вот такого рационального и иррационального.

Где-то мы видим гиперболизацию наскальных образов. Например, если хотели показать значимость какой-то фигуры, её выбивали огромную, больше, чем прототип. Таковы, например, лебедь длиной более 4 м на Онежском озере, там же бес (2,5 м), налим и выдра (2,7 м). Что касается лодок, то раскопки показали наличие в древности лодок-долблёнок. Два типа лодок можно увидеть на петроглифах: долбленки либо вариант каркасных, обтянутых шкурами. Был такой исследователь из Питера Михаил Иванов – подводник. Не археолог, не историк, но он изучал эту тему, интересовался древностями, историей, и у него руки хорошие, он мог что-то строить. Он выяснил, когда на севере Европы росла особая европейская ель. Сейчас её мало осталось, а тогда она повсеместно была. И можно было подбирать такие деревья, где ветки служили как бы шпангоутами. Лишние ветки убирались, а дальше обтягивали каркас, по мнению Иванова, шкурой белухи. У этого животного она самая прочная, водонепроницаемая. Получалась такая лодка – вроде каяка, каное. Он даже сделал макет небольшой. Шкуру белухи не нашел, мама ему дала сумочку из белой кожи, вот из неё соорудил модель. Иванов выступал на ледоколе «Красин», там была конференция, в ней участвовали и капитаны, и специалисты по морскому делу, по лодкам, и они сказали, что вполне возможна такая вещь. И мы видим на изображениях такие необычные лодки, как бы с окошками внутри. То есть, возможно, показан каркас, обтянутый шкурами. Вероятно, чаще использовали долблёнки. Их археологи иногда находят. Максимальная длина лодок вряд ли могла быть более семи метров. Их могли делать из лиственницы или сосны. Так что очень много оказалось интересного скрыто в петроглифах.

– Это ведь большой труд – выбивать в скале рисунки. Что же мотивировало первобытных художников? Это что-то мистическое, религиозное или просто желание отразить действительность?

– Мотивов у них было, я думаю, много. Много-слойность, многозначность петроглифов очевидна. Есть различные наскальные полотна, где художниками отражены их главные образы и доминирующие темы, они могли использоваться в разных целях. Конечно, в полной мере нам никогда это не выяснить – слишком отдалена от нас эта эпоха. Петроглифы, вероятно, спланировали коллективы, а значит, способствовали их выживанию. На территории наскальных святилищ проводились и какие-то магические обряды. Не думаю, что это была примитивная магия, как наши некоторые исследователи раньше понимали. Вот человек что-то такое нарисовал или выбил, потом копьём потыкал, стрелой поразил, а потом была

удача на охоте. Так считал Линевский, а на самом деле то, что он принимал за «ранения» фигур – это природные повреждения. Нет следов намеренной порчи изображений. Изображения, безусловно, не портили, их берегли, наши предки понимали, что они сохраняются на тысячелетия. Они будто бы отправляли нам каменные письма...

Интересно, что существовала художественная традиция, каноны выбивки. Художник не просто вот захотел что-то выбить и выбил. Скорее всего, этим занимались специально обученные и способные к этой работе люди, которым передавали свои умения и знания предшественники. И технически не так сложно, как выяснилось, выбить. Единственное, что практический опыт нужен был. Этот человек еще должен был иметь хороший острый глаз и еще физическую силу. Недавно были найдены петроглифы, которые можно отнести к самой ранней стадии возникновения Онежской петроглифической традиции.

– В рисунках чувствуется, что называется, рука мастера?

– Да. Есть такое. Я одно время занималась этой темой. Иногда всё достаточно понятно. Взять, скажем, мыс Пери-Нос VI на Онежском озере. Там как раз знаки – солярный, лунарный, люди, лодки вот как будто одной рукой сделано.

– Стиль есть, да?

– Канон был! Фигуры должны были определенным образом изображаться. На Онежском озере очень интересные изображения людей, на Белом море нет такого разнообразия, такой многозначности... На Онежских петроглифах чаще всего люди изображались в пляшущей, танцующей позе. Одна рука поднята вверх, другая опущена... Танец какой-то изображен. Более того, в некоторых случаях у них что-то было надето на голове или какие-то иные звериные черты прослеживались – рога, копыта.

У жителей Беломорья было больше ресурсов, имеются в виду морские, которые ими очень хорошо и полно осваивались. Но особенно интересно то, что племена явно контактировали друг с другом. Население восточного берега Онежского озера и в нижнем течении р. Выг. Дружили! Они посещали друг друга, что отразилось в некоторых мотивах и сюжетах наскального искусства на обоих комплексах. В Беломорье было несколько больше заимствований приёмов выбивок.

– Но ведь это большое расстояние...

– Да, 300 километров. Но они передвигались по воде. Основное средство передвижения – как раз лодка.

– Это очень интересно. Ничего себе, в гости ходить за 300 километров... Вот что значит без мобильников жить!

– Ну, не просто в гости, конечно. Вероятно, разные могли быть варианты... Но общались и, видимо, делились опытом. Что меня натолкнуло на эту мысль? На Бесовом Носу, в центральной группе, есть сцены охоты на морское животное. Причем Савватеев не сомневался, что это нерпа. В Ладогe нерпа до сих пор есть. Жила она и в онежских водах. Мы копали неолитическую стоянку на мысе Кладовец Нос, около устья р. Чёрной, и там нашли более 40 костей нерпы. В ту эпоху в Онежском озере она водилась. Но её просто потом перебили. И нерпу на скалах иначе изображали, чем белуху. Специалист с мировым именем по морским млекопитающим и, соответственно, по белухе, Владислав Белькович однозначно заключил, что на Онежском озере выбиты белухи. Там четыре сцены охоты на это животное. Но белух в Онежском озере не могло быть! Откуда тогда эти изображения? Значит, онежские жители отправлялись на Белое море на морскую охоту. Потом делились своими яркими впечатлениями с соплеменниками, выбивая эти замечательные композиции на скалах. Не исключено, что могло быть и наоборот: люди с Белого моря отправлялись на Онежское озеро. Если, например, ухудшались природные условия. Возможно, существовали брачные связи между онежскими и беломорскими жителями.

Я считаю, что сначала петроглифы возникли на Онежском озере. Раньше почти все исследователи пытались доказать, что беломорское наскальное искусство однозначно древнее, потому что на онежских скалах отражено то время, когда люди поклонялись небесным светилам, а это было характерно только для более позднего времени – эпохи бронзы, когда уже появилось земледелие и скотоводство. В действительности, как продемонстрировали современные научные данные, на берегу Онега петроглифы старше, но ненамного (видимо, на несколько сотен лет), это та же эпоха неолита. Я думаю, что онежские выбивки на скалах могли дать толчок для возникновения петроглифов на островах Выга. В последнее время я нахожу всё больше подтверждений этому.

В 2010 – 2011 гг. были обнаружены петроглифы, которые выглядели как проба пера. Схематичные, несмелые наброски... Как будто первобытные художники боялись испортить красивые гладкие участки скал и сначала пробовали свои силы где-то на небольших и не очень гладких плоскостях. И уже позже, когда они освоили эту технологию, на развитом этапе, эта традиция пришла на Белое море. На Белом море таких, скажем, ученических работ уже не было.

Одним из распространенных изображений на Онежском озере были, конечно, лебеди. Но мно-

гие почему-то хотят увидеть в них динозавров. На самом деле там было много лебедей, эти птицы нравились первобытным художникам. Изображали выводки лебедей. Такого предпочтения нет нигде в мире.

– А есть изображения, которые непонятны, не разгаданы до сих пор?

– Полно! И я думаю, до конца смысл их мы не разгадаем. Мы часто с большой вероятностью можем идентифицировать само изображение, его прототип, но вот какое внутреннее содержание заложено в них или в сцене – вряд ли поймём. Например, есть изображение на Бесовом Носу. Описать его трудно, это надо видеть.

Это сочетание двух образов – мужчины и лебедя. Фаллос в виде стрелы, голова – почти квадратная, от лица отходит нос такой загнутый, далее – линия туловища, и от него отходит согнутая в локте рука с тремя пальцами, а дальше, где должна быть нога, там начинается туловище лебедя... Настоящая головоломка!

– На Беломорских петроглифах авторы тоже проявляли такую фантазию?

– И там такое есть. Беломорские жители, конечно, заимствовали кое-что у онежских. Художники общались, многое брали друг у друга. На р. Выг огромное количество следов всяких изображено. И следы человека, и следы копытных животных, лыжни, следы от лыжных палок... На Онежском озере такого не было, хотя в двух случаях мне удалось найти изображения медвежьих следов.

У художников той и другой территории были свои предпочтения. Например, на Онежском озере нет изображений луков, но это не означает, что там охотники не знали такого орудия охоты. При раскопках стоянок мы находим немалое количество наконечников стрел, дротиков, копий. Просто онежских художников эта тема не интересовала. Важнее было отражать их мифологические представления, божества, духов. Их вдохновляла природа, потрясающие солнечные закаты, поэтому они выбивали небесные символы. В петроглифах отражено очень многое: мировосприятие данным людским коллективом окружающего мира, мифологические представления, культурные герои, занятия людей. Это, можно сказать, был и храм, и картинная галерея, и, возможно, школа обучения юношества приёмам охоты, выживания.

Вероятно, проводились и инициации молодёжи.

Есть две сцены дефлорации, абсолютно одинаковые, они как будто одной рукой сделаны. И на Онежском озере, и на Залавруге. Разница только в том, что на Онежском озере изображение чуть меньше. Две женщины, одна показана анфас, другая в

профиль. У одной ноги раскинута, другая действует каким-то инструментом.

Такие обычаи были известны этнографам, например, в Сибири, когда девушкам перед вступлением в брачный возраст делали дефлорацию.

– Как воспринимали эти рисунки в более поздние времена жители соседних деревень? Они же связывали их с бесами, боялись, вероятно, придавали мистические свойства?

– Когда на Бесовом Носе появились первооткрыватели Хальстрём и Швед, то они оба записали одну и ту же легенду. Её рассказали им жители деревни Бесов Нос, которая в километре от знаменитого изображения беса. Они рассказывали, как ещё от дедов слышали, что на оконечности мыса Бесов Нос жили нежные супруги – бес и бесиха, так они их именovali. Жили мирно, дружно, но однажды не поладили, случилась семейная ссора, и решили они разойтись. И бес тогда взял свое жилище каменное и потащил его в озеро. Ташил-тащил по воде, но споткнулся, упал и утонул. Остался кусок скалы, который сейчас называют Бесиха, хотя его надо называть Бес, раз это он отделился от супруги.

Эта легенда в советское время видоизменилась. Начало было то же, но супруги не ссорились, просто приехали люди из Эрмитажа, взорвали и вывезли туда часть скалы ниже фигуры беса (тут якобы и находилась бесиха). А бес остался на месте.

– Кстати, нам, наверное, очень сильно повезло, что у нас сейсмическая активность низкая. Всё ведь могло разрушиться... И получается, что ландшафт практически с тех времен сохранился?

– Да, на Онежском озере сохранился с эпохи неолита почти первозданным. На Белом море он тоже сохранился бы, если бы не построили ББК и Каскад Выгских ГЭС. Вот они немного испортили древний ландшафт. Вообще, это редкость большая – сохранившийся с эпохи неолита ландшафт, которому чуть не 7 тысяч лет. Единственное, что растительность теперь немного другая. В те давние времена тут росли дубы, буки, вязы, липы, орешник – лещина. Природно-климатические условия, конечно, потом неоднократно менялись на протяжении тысячелетий. Установлено, что, когда появилось и функционировало наскальное искусство – климат был максимально теплый и сухой.

– А насколько карельские петроглифы перекликаются со шведскими, с другими, обнаруженными в мире?

– В чем-то перекликаются, в чем-то нет, но это очень большая, объемная тема, потому что важно смотреть на хронологию. Наши петроглифы сущест-

вовали только в одну эпоху, в неолите, а в дальнейшем эта традиция исчезла.

– То есть это какой временной период получался?

– Примерно 6300-6700 лет назад. На мой взгляд, они существовали менее одной тысячи лет, хотя не все исследователи с этим согласны. Те, что не согласны, упрямо игнорируют очевидные факты, выявленные как на Онежском озере, так и в низовьях р. Выг.

С археологической точки зрения, 500-700 лет – это мгновение! Почему петроглифы не создавались после неолита? Причина этого – природная катастрофа, связанная с повышением уровня воды, по-научному, трансгрессия. Ведь петроглифы Залавруги и Ерпина Пудаса были погребены под слоем почвы до 1 метра и более толщиной. Это был такой как бы малый локальный потоп. Поднялся уровень воды, изменилась береговая линия. Причины этого процесса до конца не выяснены. Предполагают тектонические сдвиги в земной коре. Я собрала всю информацию, оказалось, что эта природная катастрофа произошла на большей территории Северо-Запада приблизительно 6 тысяч лет назад. Это был самый конец атлантического периода, самого тёплого за всю нашу современную эпоху, и, конечно, это не в один момент произошло. Уровень воды повышался постепенно, и, как показывают палеогеографические исследования, максимальное повышение было до трёх или даже более метров. Петроглифы расположены на высоте от уреза воды до максимум двух метров над уровнем воды, но в основном около полуметра. То есть они были все затоплены. Вода с собой принесла и морские отложения, и озерные, и песок, и камни. Рисунки были погребены под слоем отложений и длительное время находились под ними. В 1960-е гг. Ю.А. Савватеев раскопал поселения, которые располагались над петроглифами Залавруги и Ерпина Пудаса III. Так крупные группы петроглифов Беломорья после 6 тысяч лет предстали перед нашими глазами, и в основном в хорошем физическом состоянии.

– Сейчас каковы шансы найти какие-то новые петроглифы?

– Сейчас шансов немного, хотя они всё же есть. Я просто хожу и оцениваю участки, где выбивки могут быть и где можно их открыть под слоем почвы... Но это непросто.

– А чем работали первобытные художники? Не так легко выбивать картины на граните...

– Главным инструментом был кварц. Мы много находили таких предметов на Залавруге и на Бесовых Следках – своего рода кварцевых отбойни-

ков. Их удобно держать в руке, на концах видны следы выкрошенности от использования. Выбивать можно было двумя способами: с посредником (молотком) и без него. Савватеев когда-то ставил эксперимент – он выбил белуху на камне прямыми ударами. Она у него мелковато вышла, и контуры выбивки не были вполне чёткими. Другого материала в Карелии, которым можно было бы выбивать по твёрдому граниту, не было.

А кварца у нас достаточно, первобытные художники его повсеместно находили. Неисчерпаемые запасы до сих пор. Другое дело, что он разного качества. На севере потрясающий кварц, молочный такой, а самая лучшая разновидность кварца – это горный хрусталь, прозрачный или полупрозрачный. Кварц очень твердый, из него скребки делали, долотовидные орудия, режущие инструменты.

– За столько лет насколько все-таки люди изменили, испортили петроглифы? Мы знаем про выбитый крест, например. Много ли внесено, так сказать, поздних редакторских правок?

– Нет, такого у нас совсем мало. Последний акт вандализма нами зафиксирован на Онежском озере в 2008 году. Это всё мальчишки местные. От нечего делать балуются. Раньше больше было. Люди, которые работали на Гольце, добывали гранит, приезжали с зубилами, у них вот было чем выбивать.

– Я, когда совсем ещё ничего не знал про петроглифы и впервые увидел изображение беса с крестом, был просто поражен. Как так? Первобытное изображение и – крест? Потом мне рассказали, что это были поздние добавки...

– Да, эта фигура всех поражает. Но если взять Онежские петроглифы, то основная порча скал современная, начало XX века и позже, в 30-е и 60-е годы, и это только – Бесов Нос. Потому что там изображения на виду, это такой самый выдающийся мыс, наиболее посещаемый. Про другие даже не знали, что там что-то есть, поэтому другие мысы не испорчены. Есть современные надписи и изображения на острове Большой Голец, где их делали заключенные. Но там есть и древние изображения – лебединый выводок, плывущий на Пери-Нос.

– Это местные жители дорисовывали?

– Нет, я думаю, что в досоветское время они ничего не делали. Они, возможно, боялись нечистой силы, с которой ассоциировались выбивки на скалах! И на Белом море то же самое... Там и добраться до островов было не очень легко. Кроме того, жители соседних деревень были люди православные, а у них, во-первых, чужое трогать нельзя, а во-вторых, это же всё связывалось с бесовской силой. У нас как раз утраты, повреждения, если срав-

нивать с другими объектами наскального искусства, незначительные совершенно.

А сейчас, как мне кажется, уже люди стали более-менее просвещенные... Обычно, по моим наблюдениям, это местные подростки что-то такое делали. Были и приезжие, но это редко. Я помню, в 1978 году я там работала, и прилетел вертолет лесоохраны из Пудож. У них практику проходили два чернокожих кубинца. Я провожу экскурсии на Пери-Носе VI и вдруг слышу звук – выбивают!

Они плохо русский знали, эти кубинцы, поэтому не понимали экскурсовода. Отошли в сторонку и выбивают. Успели выбить С и U. Они «Кубу» там выбивали. К счастью, выбивали плохо, потому что кварца они не нашли. Просто поцарапали скалу чуть-чуть. По незнанию, бывает, такое делают. Но сейчас, мне кажется, народ уже всё понимает. А вот тот же крест и надписи, которые у беса, выбиты были большим трудом. Там люди старались. Могли ведь просто всё уничтожить, но они вложили крест в левую руку беса.

– Говорят, что это монахи защищали христианскую веру таким образом?

– Много версий. Непонятно, что это такое. По крайней мере, установлено только то, что крест и надписи выбиты металлом во второй половине XVI века. Потому что крест – псковской традиции – семиконечный, такие распространились на Севере, вплоть до Соловков, только во второй половине XVI века. Не раньше. И с монастырем это, возможно, не связано. Были у нас историки – муж и жена из Питера. Они крестами занимаются. Любимы крестами, в любом виде. И они подтвердили, что это вторая половина, примерно 70-е годы XVI века. И гипотезу такую выдвинули, что везли какую-то святыню, какой-то крест на Соловки. Везли по воде. И нужно было где-то остановки делать. Вот, видимо, здесь остановились и, может быть, тут и выбили крест рядом с бесом.

– А петроглифы для Эрмитажа?

– Вот это был самый большой акт вандализма, причем такого – научного даже, я бы сказала. Ну, они хотели якобы спасти изображения... Вообще, непонятно, как это все происходило. 1935 год. Наше правительство Карело-Финской республики ничего не знало. На этом участке самые интересные изображения были. С двух сторон скала уже имела трещины. Это облегчало работу. Но тем не менее при взрыве с десятков изображений погибло, включая уникальную сцену деторождения. Но зато теперь Эрмитаж владеет уникальным экспонатом. Да, и ещё скала эта распалась на три куска. К счастью, Линевский там успел раньше побывать, и у него кое-какие фотографии остались.

– Как вы считаете, насколько ценно, что сейчас люди могут приходить, смотреть на петроглифы прямо в том ландшафте, где они создавались? Построены мостки. Создан Визит-центр музея «Беломорские петроглифы».

– Это по мировым стандартам делается. Так сделано в Норвегии, Швеции и других местах. А как иначе? И это еще дань уважения к памятнику! В 1990 г. к нам приезжал один австралийский ученый Роберт Беднарик из Канберры, который занимался петроглифами. Так он вообще говорил, что ходить по петроглифам можно только босиком. Он всех заставлял обувь снимать. Несмотря на холод. Отлично, что теперь вот мостки специально сделаны, чтобы по скале и рисункам не ходили.

– Но людям надо это показывать? Может, оставить ученым?

– Каждый человек имеет право на доступ к объектам культурного наследия. Это право человека вообще в глобальном плане. Конечно, показывать надо людям, но при этом нужно соблюдать разработанные правила, то есть не ходить по рисункам, чтобы не навредить. Более того, хотелось бы, чтобы эти экспозиции могли посещать люди с ограниченными физическими возможностями. Но не всё обязательно показывать. Вот в Норвегии, в Альте, более 6000 изображений, из них показывают процентов 5. Но они взяли полимерную красную краску и покрасили рисунки, потом их за это ругали, сейчас они их отмывают. Там тоже мостки, но там и вышки стоят, можно в бинокль следить за посетителями, чтоб соблюдали правила.

– Какие у нас сейчас проблемы, связанные с петроглифами?

– Проблемы всегда есть и будут. Это связано больше с организацией туризма. Сейчас нехватка экскурсоводов, лицензирование вводят. Поток туристический надо регулировать. Доступность Онежских петроглифов – проблема. Там скалы тянутся на 20 километров вдоль побережья, а причаливать на судах нельзя. Контроль должен быть. Там заказник, они сейчас более-менее следят.

– Насколько уникальны наши карельские петроглифы?

– В мире много петроглифов, но таких, как у нас, практически нет. Когда специалисты из других регионов, стран смотрят, они говорят, что наши рисунки очень забавные. У художников видно виртуозное владение инструментом. Вот обычно подобные рисунки просто плоские. А на наших петроглифах есть попытки показать объем, перспективу, рельеф местности. На Залавруге – охотники спускаются с горки, бегут за тремя лосями, и скала отражает этот наклон, и вот двигаются они вниз, и – длинная лыжня, потом они взбираются на горку. Мы видим след лыжни... Это рассказы, повествования.

Надо отметить, что наши петроглифы были быстро приняты в ЮНЕСКО. А это не так просто! Проголосовали за нас единогласно. Хотя обычно много споров, обсуждений. Вот во Франции пещера Ласко 10 лет входила... А мы меньше двух лет.

Беседовал Олег Целебровский

Надежда Валентиновна ЛОБАНОВА,

старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН,

кандидат исторических наук.

Окончила Петрозаводский государственный университет,

аспирантуру при Московском институте археологии РАН.

Исследует петроглифы Карелии с 1971 г.,

сначала в составе экспедиций Ю. А. Савватеева,

а с 1981 г. самостоятельно.

В последние годы открыла несколько новых групп петроглифов.

Автор более 60 научных работ.

Живет в Петрозаводске.

